

Чу Шэчжи, подобно летучей мыши, приник к покрытой мхом ветхой стене. Управляющий поместья Маркиза, Усмиряющего Север, на которого он положил глаз, почувствовал, как по спине пробежал холодок, и втянул голову в плечи:

— Сейчас наверху закручивают гайки, велено притаиться. Давай в эти полмесяца отсидимся!

Стоявший напротив него невысокий толстяк ростом не выше метра шестидесяти возмущенно вытаращил глаза:

— Ну что ты, брат Сунь, ну что ты такое говоришь! Разве я могу просто так взять и отсидеться? Господам товар нужен позарез. Ты же видел, как у них случаются приступы — ждать ни минуты не могут! Брат Сунь, мы же свои люди, скажи по секрету, неужели у тебя совсем не осталось запасов?

Управляющий, которого называли братом Сунем, отрезал:

— Не спрашивай, я отвечаю только за шкуры, остального не ведаю.

— Эх, ну и осторожный ты! Мы же уже ввязались в это грязное дело, чего еще бояться? — человек подошел ближе, воровато огляделся и вытащил из-за пазухи увесистый сверток. Развязав его, он явил на свет целую россыпь маленьких золотых слитков. — Не буду скрывать, это мне господин Цай из восточного флигеля пожаловал. Я никому не сказал, только тебе, потому что мы с тобой в хороших отношениях, вот и хочу, чтобы мы вместе заработали!

Сунь поспешно накрыл сверток рукой:

— Да пошел ты к черту! Если б у тебя самого был товар, стал бы ты звать меня?

Как только эти слова сорвались с его губ, Чу Шэчжи понял, что тот клюнул. Собеседник не упустил случая:

— Кто из нас, приложив руку к этому делу, не припрятал кое-что для себя? Ты возьмешь немного, я возьму немного, соберем всё вместе и, пока начальство не видит, перепродадим — на всю жизнь золота хватит!

Сунь явно колебался:

— Ты работаешь с господами и не видел их методов. Раньше один нерадивый — с белой кожей — так поплатился, что даже смотреть страшно. Я насмотрелся на такое, мне не по себе. Нет, не могу, у меня сын, боюсь я так рисковать.

— Брат Сунь, эти сказки оставь другим, меня не проведешь. Если бы ты не замышлял чего-то, стал бы ты втихаря собирать эту дрянь? Сейчас самое лучшее время, упустишь момент — сбыть не получится! — настаивал собеседник. — Начальство уехало почти месяц назад, господа просто вне себя от нетерпения! Один только господин Цай сколько дает, а ведь есть еще господин Ван, господин Ли — это же всё чистое золото!

Он продолжал убеждать:

— Зачем мы вообще в это ввязались? Только ради денег! Сколько получает управляющий в поместье маркиза? А курьер? Мы ходим по лезвию ножа, но по сравнению с тем, что имеют наверху, наши доходы — крохи! Если боишься разоблачения, найдем кого-нибудь и свалим всю вину на него. У всех руки в крови, кого ни начни проверять — всё равно виноватого найдут.

В глазах мужчины мелькнул холодный блеск:

— Скажу прямо: если ты не возьмешься, желающих полно. А если я найду другого, кто знает, на кого в итоге падет подозрение?

Сунь насторожился:

— Ты мне угрожаешь?

— Брат, что ты, — тот заискивающе улыбнулся. — Пойми и меня, я ведь тоже рискую, рассказывая тебе об этом. Ты же знаешь, что они сделают, если узнают — мне конец!

— Дай мне подумать, надо хоть сына устроить, — бросил Сунь и собрался уходить.

— Брат, тут думать некогда! — мужчина схватил его за рукав. — Я не просто так предлагаю. Господин Цай торопит, давай разделим добычу: мне четыре части, тебе шесть. Добавь к этому еще одну шкуру, доставь всё вместе — и господин щедро наградит нас!

Сунь остановился и сухо спросил:

— Сколько?

Мужчина показал пальцами:

— Еще три свертка!

— Три к семи. Завтра вечером доставлю и товар, и человека.

Господин Цай, значит... — Чу Шэчжи, наблюдая за этим сговором, немного подумал. Решив пока не вмешиваться, он проследовал за управляющим обратно в поместье.

— Держите вора! Кто-то украл вещи маркиза!

Вернувшийся тайком Сунь и следовавший за ним Чу Шэчжи вздрогнули. Прошло чуть больше часа, почему в поместье такой переполох?

Плохо дело! Неужели Чжао Цзинжоу послушала Цзюцзяня и отправилась к Вэй Минцзюэ, а её

обнаружили? Чу Шэчжи, скрывая свое присутствие, помчался к Обители Лотоса. Люди в поместье лишь притворялись спокойными, но если их бдительность перейдет границы, они могут немедленно расправиться с Цзюцзянем!

— Наставник Цзюцзянь, — у входа в Обитель Лотоса стоял ученый в синем халате в окружении дюжины крепких мужчин. — Прошу прощения за поздний визит, но в поместье пробрался вор. Он пытался выкрасть важную вещь, и хотя это ему не удалось, поймать преступника мы не смогли. Мы получили приказ обыскать все комнаты и выявить подозрительных лиц. Просим вашего содействия, будем очень признательны.

Я посмотрел на пустое место напротив себя, слегка нахмурился и громко произнес:

— Мы здесь гости, содействие обыску — наш долг. Но сейчас я не совсем готов к приему, не могли бы вы подождать снаружи?

Ученый в синем не обратил внимания на слова монаха и уже потянулся к дверному кольцу:

— Наставник Цзюцзянь, что-то случилось? Может, мне войти и посмотреть?

— Не стоит, — дверь Обители Лотоса отворилась, и перед ученым предстал Чу Шэчжи с лучезарной улыбкой. — Наставник Цзюцзянь — молодой монах, стесняется раздеваться при посторонних. С кем имею честь?

Ученый, который подозревал, что вор — это Чу Шэчжи, был удивлен:

— Я Тао Янь, ученик маркиза. Не ожидал увидеть здесь мастера Чу.

— Я всё это время играл здесь с Цзюцзянем в шахматы, — Чу Шэчжи, словно вспомнив что-то, постучал веером по лбу. — Ах да, господин Тао, вы ведь хотели обыскать комнату? Мы не против, проходите, пожалуйста!

Тао Янь был ошарашен такой прямоотой и уже засомневался в своих подозрениях. Войдя во внутреннюю комнату, он был поражен еще больше: молодой человек в коричневой рясе сидел с обнаженным торсом. Без рясы святость монаха сменилась чем-то притягательным и чувственным. Несмотря на бритую голову, его черты лица были необычайно красивы, а когда он поднял взгляд, красно-коричневые зрачки в свете ламп блеснули завораживающим светом.

Тао Янь перевел взгляд с меня на Чу Шэчжи, и его решимость сменилась неловкостью и недоверием:

— Вы... вы... — Он всегда слышал, что Малый ван равнодушен к мужчинам, но чтобы прославленный мастер Чу, за которым тянется шлейф любовных историй, тоже сменил предпочтения?

— О чем вы думаете, господин? — Чу Шэчжи встал передо мной, заслоня меня от взгляда Тао

Яня. — Мы действительно играли в шахматы, а потом заговорили о техниках внутренней энергии. — Он бросил на меня взгляд, который внезапно замер на моей спине. Это длилось лишь мгновение, ученый ничего не заметил. — У Цзюцзяня старая травма, а я человек бывалый, вот и решил помочь. Как раз вы подросли, он не успел одеться, вот и занервничал.

— Ха-ха, ха-ха-ха, — Тао Яню оставалось только улыбаться. Слуги говорили, что видели тени: Чу Шэчжи и Цзюцзянь действительно играли в шахматы, а потом ушли во внутренние покои, и время их исчезновения совпало с поисками того, кого приказал найти маркиз. Теперь, глядя на них, он решил, что это был не Чу Шэчжи, значит, речь шла о барышне.

Он для вида осмотрел комнату:

— Прошу прощения за беспокойство. Завтра на банкете принесу свои извинения.

— Завтрашний банкет? — Чу Шэчжи приподнял бровь. — Почему мы с Цзюцзянем об этом ничего не знаем?

— О, должно быть, маркиз еще не успел вам сообщить, — Тао Янь сложил руки в поклоне. — Маркиз много лет не видел Малого вана и очень скучал. А теперь, когда с ним приехали прославленный мастер Чу и ученик великого Тяньцзина, он так обрадовался, что решил устроить вегетарианский пир в честь трех почетных гостей. Вы ведь придете?

Хунмэньский пир! Эти слова одновременно всплыли в голове у меня и у Чу Шэчжи. Но не пойти было нельзя. Хотя я знал, что Чжао Уцзи не убьет Вэй Минцзюэ, но, зная характер последнего, понимал: узнав правду о своем наставнике, он будет раздавлен. Стоит посмотреть, в каком он сейчас состоянии.

Когда Тао Янь ушел, Чу Шэчжи рухнул на кушетку и залпом выпил целый чайник чая:

— Тао Янь, имя соответствует человеку, ужасно неприятный тип.

Я не спеша накинул рясу:

— Не ворчите, господин. Не забудьте завтра постирать мою пижаму и вернуть её мне.

Прокол всё же был, но Тао Янь был настолько отвлечен, что не заметил. Я хоть и монах, но не до такой же степени, чтобы спать в рясе. Просто Чу Шэчжи вернулся, и нам нужно было срочно сменить одежду. На нем был мох и запах свиных потрохов — сразу видно, где он был. Мне пришлось отдать ему свою ночную рубашку. Она всегда была пропитана сандалом, и на его ночном костюме запах скрыл всё лишнее, а сама ткань не выглядела подозрительно. Но если присмотреться, странности были видны.

— Хорошо, — Чу Шэчжи с довольным видом потянулся. — Раз уж ты мне так помог, не то что постираю, куплю новую. Нет, десять новых пижам куплю!

— Новое — хорошо, старое — лучше. Мне нужна именно эта, шелковая. Мастер Чу, не забудьте постирать вручную.

Чу Шэчжи рассмеялся:

— Цзюцзянь, ты такой интересный. Все говорят, что монахи ведут суровую жизнь, а ты иногда ведешь себя как избалованный господин. Когда мы только познакомились, ты всё строил из себя маленького святого, а теперь совсем не притворяешься.

— Амиабха, — я сложил ладони, сохраняя невозмутимость. — Если мастеру Чу нравится тот образ, я могу вернуться к нему.

— Упаси боги, не надо! Давай будем искренни друг с другом, так гораздо проще! — Чу Шэчжи как бы невзначай добавил: — У тебя на спине...

Когда мы перебрасывались словами с Тао Янем, он заметил узор, похожий на паутину темно-красных отметин, расползающийся от центра спины. Это были не шрамы, а вздувшиеся вены — выглядело жутко, но на фоне гладкой, как нефрит, кожи это имело какую-то зловещую красоту.

— Ты ведь уже догадался, — я слегка улыбнулся. — Просто старая травма.

Чу Шэчжи потер нос:

— Прости, что задел за живое.

— Мастеру Чу не подобает быть таким стеснительным, это на тебя не похоже, — ответил я, не придавая значения его словам. — Это не такая уж печальная история. В детстве враг нанес мне удар в сердце. Когда я попал к наставнику, было уже поздно, пришлось направить ту мощную внутреннюю энергию в соседние меридианы, чтобы спасти мне жизнь.

Чу Шэчжи вдруг всё понял:

— Вот почему твоя внутренняя энергия всегда была посредственной. Я еще удивлялся: мастер Тяньцзин славится своей мощью, все его ученики сильны, почему же ты...

Я подпер подбородок рукой и медленно произнес:

— Это уже результат усилий наставника. Изначально мои меридианы были настолько забиты, что я вообще не мог практиковать. Потом наставник заставил меня сочетать это с внешними боевыми искусствами, чтобы понемногу расширить их. То, что я имею сейчас — уже чудо. Это повод для радости, тебе не нужно скрывать это, так только неловкость возникает.

Чу Шэчжи не стал спрашивать, кто был тот враг и почему он так поступил с ребенком. Он лишь сказал:

— У тебя широкая душа, Цзюцзянь, это вызывает восхищение.

— Благодарю за похвалу, принимаю. Я и сам считаю, что умею отпускать обиды. — Я вспомнил старого монаха и огород в Храме Белого Дракона и искренне улыбнулся. — К тому же, если бы я хотел стать первым в мире, мне пришлось бы изрядно помучиться. А настоятелю маленького Храма Белого Дракона не обязательно быть величайшим воином, достаточно того, что есть, не так ли?

— И то верно, — Чу Шэчжи понимающе улыбнулся, разлил чай по чашкам и протянул одну мне. — Чай вместо вина за дружбу.

<http://bllate.org/book/22245/2325293>